

Тяжелые дни Мукденских боевъ ¹⁾.

(Воспоминанія запаснаго).

Васовъ до четырехъ ночи все было спокойно. Все замерло. Тотъ, кто могъ спать — спалъ, а кто долженъ былъ бодрствовать — тотъ не смыкалъ глазъ. И вдругъ въ этой морозной тишинѣ послышался одиночный выстрѣлъ, потомъ другой, третій. Так-ку, так-ку— и загрохотала сразу сильная перестрѣлка.

Такъ на пожарѣ, пока пламя не находитъ удобосгораемаго матеріала, оно дѣйствуетъ какъ-то вяло и нерѣшительно и, кажется, что вотъ-вотъ оно задохнется въ облакахъ чернаго дыма и погаснетъ. Кое-гдѣ мелькнетъ красный языкъ, лизнетъ онъ по клубамъ чернаго и смраднаго дыма и потомъ исчезнетъ, а черезъ секунду снова въ другомъ мѣстѣ мелькнетъ такой же языкъ, и онъ также исчезнетъ, какъ бы не будучи въ силахъ побѣдить окружающія его тяжелыя и смрадныя дымныя облака. Но вотъ пламя находитъ себѣ настоящую пищу; вдругъ начинается сильный трескъ; уже не отдѣльные и робкіе языки лижутъ тогда черные клубы дыма, а изъ его мрачной среды сразу взлетаетъ вверхъ огромный горячій снопъ пламени; дымъ какъ бы пугается и улетучивается, и вмѣсто него летитъ къверху, страшно шумя и разсыпаясь искрами огненный ураганъ, противъ котораго, кажется, нѣтъ такой силы, которая могла бы справиться съ его бѣшенымъ порывомъ. Такъ было и здѣсь. Пламя нашло себѣ пищу и вмѣсто одиночныхъ робкихъ огненныхъ языковъ зашумѣлъ и заревѣлъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“ октябрь 1910.

необъятный огненный ураганъ, — могучій и несокрушимый. Р-р-р-р... неслись непрерывные звуки, и снова казалось, что тысячи людей начали раздирать куски прочной ткани. Бумъ-бумъ, бумъ-бумъ-бумъ, вторили имъ пушки и, казалось, что кто-то необъятно громадный и сильный бьетъ въ огромный, хватающій до самаго неба барабанъ. Ж-ж-ж... сердито ворчали въ морозномъ воздухѣ шимозы и шрапнели, какъ бы негодуя на то, что ихъ въ темень и въ холодъ посылаютъ неизвѣстно куда. Пѣли на разные голоса пули свои заунывныя пѣсни, звонко чмокаясь съ глиняными стѣнками. А-а-а... слышались впереди вопли тысячи людей, идущихъ на вѣрную смерть.

И въ этомъ крикѣ, который собою все покрывалъ и который собственно и былъ центромъ всѣхъ этихъ разнородныхъ звуковъ, было такъ много скорби и тоски. Въ немъ не слышалось тѣхъ задорныхъ нотокъ, которыя мы привыкли слышать на маневрахъ, когда идутъ въ атаку также тысячи людей, но идутъ не для того, чтобы или побѣдить или умереть, а для того, чтобы произвести только извѣстный эффектъ и порадовать этимъ наблюдающее начальство. Это не была перекатывающаяся съ одного конца огромнаго поля на другой его конецъ мощная волна звука, вылетающаго изъ тысячъ человѣческихъ глотокъ, которыя воинственнымъ крикомъ и воплемъ привѣтствуютъ на парадномъ полѣ любимаго вождя, или обожаемаго монарха,—нѣтъ, но это тоже была волна,—страшная и стремительная волна, которая не ревѣла, а скорѣе стонала, — болѣзненно, жутко стонала, посылая къ небу свою послѣднюю мольбу, а къ міру—свой послѣдній прощальный привѣтъ.

Кто слышалъ этотъ стихійный вопль на военномъ полѣ, вопль полный отчаянія и скорби, и кто сумѣлъ уловить его потрясающую гармонию, у того сердце должно было сжаться въ груди, а душа просилась вонъ — на свободу, желая улетѣть куда-нибудь далеко, далеко въ это синее высокое небо, которое только одно можетъ быть прибѣжищемъ отъ всѣхъ человѣческихъ мукъ, слезъ и страданій.

— Атака идетъ,—снова говорили солдаты, и снова лица ихъ были блѣдны, слышались глубокіе вздохи, руки творили крестныя знаменія, а губы тихо шептали: „Господи, помоги, Царь небесный, милостивый“.

Шла дѣйствительно ужасная бѣшеная атака на редутъ, атака, въ которой японцы еще разъ доказали свою безпредѣльную доблесть, свой пылъ и энергію и свою святую и высокую любовь къ родинѣ, ради которой они шли теперь впередъ на вѣрную смерть. Но и русскіе во время этой атаки, а равно и всѣхъ быв-

шихъ раньше, тоже доказали свою непоколебимую стойкость, свою рѣшимость — умереть, а не уступить. Здѣсь оба народа одинаково состязались въ доблести, и грѣхъ приметъ на душу тотъ, кто осмѣлится бросить комкомъ грязи въ наши войска, которыя всегда стойко держались и выдерживали напоръ бѣшеной волны непріятельскихъ легионовъ, — держались съ молитвой на устахъ о помощи свыше и отступали съ болью въ сердцѣ только тогда, когда имъ это приказывали.

Нужно было быть самому во всѣхъ этихъ: Сандепу, Чжань-Тань, Хенаняхъ, Чжантаняхъ, Янсытуняхъ и Мукденахъ, — нужно было быть тамъ не въ качествѣ руководителя, наблюдающаго издали за боемъ и не видѣвшаго, что въ это время творится въ самомъ горнилѣ этого боя—въ цѣпи и ея ближайшихъ резервахъ— для того, чтобы понять все и для того, чтобы послѣ этого оцѣнить съ психологической точки зрѣнія все то, что творится на боевомъ полѣ. И языкъ не повертывается тогда, чтобы порицать этихъ бѣдныхъ, замученныхъ людей въ сѣрыхъ солдатскихъ и офицерскихъ шинеляхъ.

И невольно, послѣ этихъ ужасныхъ часовъ, пережитыхъ здѣсь среди пира смерти, чувствуется порывъ души къ Богу: „Господи“, — стонетъ душа въ смертельной тоскѣ, „Ты далъ этимъ людямъ горькія чаши и воззри—развѣ не пьютъ они изъ чашъ Твоихъ по велѣнію Твоему;—воззри и разсуди ихъ Твоимъ праведнымъ судомъ, ибо судъ человѣческій не разсудитъ ихъ по правдѣ“.

Въ ротахъ, которыя были у пруда, конечно сразу, по усиленной канонадѣ, почувствовали, что будетъ атака.

Тѣ, которые спали, быстро пробудились, и теперь это уже не были сонные и неповоротливые люди, а всѣ съ полнымъ напряженіемъ смотрѣли впередъ, стараясь разглядѣть въ ночномъ сумракѣ надвигающагося врага. Доблестные офицеры: поручикъ М. и подпоручикъ Я., бывшіе при этихъ ротахъ, старались успокоить людей и, ходя по фронту, говорили: смотри, ребята, не торопись стрѣлять: безтолковая стрѣльба только ободритъ непріятеля.

Но вотъ въ ночной темнотѣ начали показываться отдѣльные силуэты людей, которые, нагнувшись, перебѣгали впередъ и впередъ, скрываясь быстро за складками мѣстности и за тѣмъ также быстро снова поднимаясь и перебѣгая.

Люди начали волноваться; задвигались суетливо затворы и люди готовы были начать беспорядочную пачечную стрѣльбу.

— Слушай моей команды, раздался тихій, покойный, но внушительный голосъ поручика М., и люди моментально насторожились.

— Вынь патроны, продолжалъ командовать поручикъ. Затворы снова зацелкали.

— Съ колѣна, безъ патроновъ, командовалъ офицеръ, и люди примѣрно прикладывались и спускали ударники, какъ при стрѣльбѣ залпами. Порядокъ былъ восстановленъ, и рота была въ рукахъ молодца опытнаго ротнаго командира, который здѣсь, въ столь тяжелую минуту ожиданія, сумѣлъ взять ввѣренную ему часть въ руки черезъ посредство простого и не хитростнаго приема.

Между тѣмъ за одиночно перебѣгающими людьми показалась огромная черная масса, которая съ шумомъ, какъ тяжелая свинцовая туча, двигалась съ неудержимымъ порывомъ впередъ. А-а-а-а, застонала эта масса и покатила въпередъ съ еще большимъ порывомъ и стремительностью.

— Съ патрономъ, теперь уже громко и энергично скомандовалъ поручикъ М., и одинъ за другимъ загрохотали стройные и дружные залпы.

— А-а-а-а, стонала несущаяся впередъ лавина. Тр-ра, тр-ра, тр-ра, гремѣли въ отвѣтъ залпъ за залпомъ.

Изъ редута также открыли огонь, и оттуда неслись тѣ же потрясающіе воздухъ: тр-ра, тр-ра, тр-ра, въ перемѣшку съ непрерывнымъ бѣглымъ огнемъ.

Но лавина катилась и катилась впередъ. Вотъ уже одиночные люди забрались въ наружный ровъ редута, но ихъ было не болѣе тридцати человекъ, и они повидимому растерялись и не знали, что имъ дѣлать дальше: идти впередъ—значило погибнуть, отступленіе тоже несло за собою неминуемую смерть.

Японцы атаковали колоннами, стараясь нанести ударъ въ правый фась редута, потому что съ этой стороны шагахъ въ 300 отъ него было много могильныхъ холмовъ, за которыми и можно было укрыться и устроиться.

Въ то время, когда шла эта бѣшенная атака, къ нашему командиру полка прибѣжалъ изъ редута солдатъ и доложилъ, что ихъ командиръ раненъ, почти всѣ офицеры перебиты и переранены и что люди остались безъ начальства. Имя этого солдата такъ до сихъ поръ осталось неизвѣстнымъ, а равно и то,—прибѣжалъ ли онъ съ докладомъ по собственной волѣ, или же былъ посланъ начальствомъ.

Командиръ полка сейчасъ же послалъ ординарца къ начальнику дивизіи съ докладомъ о всемъ этомъ, а также и о томъ, что онъ отправился въ редутъ—принять начальство надъ его гарнизономъ.

Мы шли подъ убійственнымъ огнемъ, но слава Богу благополучно достигли до ближайшихъ окрестностей редута. Начало уже свѣтать, когда мы были здѣсь. Навстрѣчу намъ несли носилки съ

ранеными; пронесли и раненаго въ редутъ командира полка; многіе раненые шлелись сами, не обращая уже вниманія на огонь.

Атака японцевъ была отбита, и только нѣсколько десятковъ смѣльчаковъ, забравшихся въ наружный ровъ, сидѣли въ немъ, не зная что дѣлать; видны были торчащіе оттуда ихъ острые штыки-ножи. Остальные частью полегли, усыявъ своими трупами всю мѣстность передъ правымъ фасомъ редута, частью же засѣли за могилками и оттуда били на выборъ мѣткимъ огнемъ защитниковъ редута.

Намъ нужно было перебѣжать подъ этимъ огнемъ совершенно открытую площадку между послѣдними построиками и стѣнками деревни и редутомъ; здѣсь былъ устроенъ крытый ходъ въ видѣ глубокой извилистой канавы, но теперь ходъ этотъ былъ биткомъ набитъ солдатами, которые перестрѣливались съ японцами, залегшими за могилками. Тутъ же валялись убитые и раненые. Пройти по этому ходу было немислимо, и мы побѣжали напрямикъ. Пули свистѣли мимо ушей непрерывно, и японцы видимо старались не допустить никого изъ насъ до редута, но какимъ-то чудомъ ни одна изъ пуль никого изъ насъ не задѣла. Мы достигли до входа въ редутъ, и здѣсь поперекъ дороги, помню, валялся трупъ убитаго солдата, черезъ который мы перешагнули и очутились во внутреннихъ рвахъ редута. Картина здѣсь была ужасная: блиндажъ для раненыхъ былъ переполненъ; большинство изъ нихъ лежало молча, но нѣкоторые тяжело и глухо стонали; одинъ же, раненый въ голову и видимо потерявшій сознание, кричалъ во все горло, издавая какіе-то нечеловѣческіе звуки,—что-то въ родѣ ла-ла-ла; онъ вопилъ такъ громко, что его было слышно во всѣхъ концахъ редута, и никуда нельзя было скрыться отъ этого страшнаго вопля. До наступленія темноты раненый этотъ былъ живъ, и его нельзя было вынести потому, что японцы цѣлый день держали насъ подъ страшнымъ огнемъ, и всѣ попытки вынести раненыхъ кончались смертью или раненіемъ санитаровъ. Множество убитыхъ валялось во рвахъ редута, и черезъ эти трупы живые люди ходили, какъ черезъ какія-то полѣнья; не обращая вниманія на мертвецовъ, живые люди сидѣли тутъ же рядомъ съ ними и либо угрюмо молчали, либо изрѣдка перебрасывались между собою отрывочными словами. На банкетахъ стояли стрѣлки и перестрѣливались съ непріателемъ, падая безпрестанно оттуда внизъ съ пробитыми черепами, шеями или грудью. Число раненыхъ и убитыхъ все увеличивалось и увеличивалось, и казалось, что скоро не будетъ уже мѣста,—гдѣ бы можно было ходить, не перешагивая черезъ трупы.

Тяжелыя шестидюймовыя бомбы падали въ редутъ, и отъ ихъ

могучихъ ударовъ сотрясались тяжелые бруствера и вздрагивала земля; шрапнели одна за другой рвались надъ редутомъ, и въ общемъ положеніе было скверное и тяжелое. Нужно было во что бы то ни стало удалить какъ-нибудь непріятеля, засѣвшаго за могилками, въ противномъ случаѣ за день они могли бы перебить у насъ много людей; ночью же столь близкое сосѣдство предприимчиваго противника, который могъ подвезти сюда и пулеметы, было и еще того непріятнѣе. Солдаты и сами были заинтересованы этимъ вопросомъ, но ничего не могли придумать за невозможностью подойти скрытно къ непріятелю; всюду было ровное и открытое мѣсто, и площадку шаговъ триста шириною, отдѣляющую редутъ отъ могилки, приходилось перебѣгать подъ мѣткимъ огнемъ, который клалъ на мѣстѣ каждаго, кто рисковалъ на ней показаться.

И вдругъ мы увидѣли надъ могилками множество небольшихъ бѣлыхъ флачковъ, которыми японцы, не показываясь изъ-за могилъ, начали махать въ воздухѣ.

— Сдаешься что ли, ходя, кричали солдаты, переставъ стрѣлять и высовывая голову надъ брустверомъ.

— Эй, сдавайся пріятель, кричали они: все одно — тутъ, „братъ“, ничего не подѣлаешь.

Флачки продолжали по-прежнему рѣять въ воздухѣ, но японцы не показывались.

— Не вылазь всѣ на брустверь-то, предупреждали людей офицеры: японецъ хитеръ.

И дѣйствительно, изъ-за могилки затрещали выстрѣлы, и нѣсколько окровавленныхъ людей упали въ ровъ, а флажки все по-прежнему мотались въ воздухѣ. Люди озлились за такое предательство. Не любить русскій человѣкъ хитрости и коварства, а японецъ, кажется, склоненъ къ этимъ „добродѣтелямъ“ съ дѣтства.

— погоди, уже наша возьметъ, говорили со злобой люди; — выпремъ тебя, голубчика, штыкомъ, коли добрыхъ словъ не понимаешь.

Начальнику дивизіи была послана записка, въ которой просили его назначить какую-либо роту изъ деревни для того, чтобы выбить непріятеля изъ-за могилки. Вскорѣ въ редутъ пришелъ поручикъ С.—командиръ той роты, которая должна была произвести атаку на японцевъ. Лицо его было удивительно спокойное и, глядя на него, совсѣмъ нельзя было подумать, что вотъ пройдетъ нѣсколько минутъ и онъ уже простится съ жизнью. Говорятъ, что у тѣхъ, кому суждено быть убитымъ въ бою, всегда бываетъ тяжелое предчувствіе; быть можетъ, оно было и у С., но только онъ ничѣмъ не выдавалъ этого и былъ удивительно спокоенъ и хладнокровенъ. Онъ осмотрѣлъ мѣстность, не обращая никакого вниманія на выстрѣлы изъ-за мо-

гиллокъ, и рѣшилъ, что пойдетъ въ атаку со стороны деревни, такъ какъ отсюда удобнѣе подойти къ непріятелю. Изъ редута обѣщана была полная поддержка атакующимъ.

С. ушелъ. Прошло полчаса, и ничего не было видно и слышно со стороны деревни. Японцы по-прежнему продолжали стрѣлять, махая въ воздухѣ своими флачками, съ помощью которыхъ они вѣроятно подавали какіе-либо сигналы своей артиллеріи, которая не оставляла въ покоѣ нашего редута.

Вдругъ со стороны деревни раздалось громкое „ура!“, и видно было, какъ оттуда къ могилкамъ бѣжали наши солдаты, съ ружьями на перевѣсь. Изъ редута добрая половина людей также бросилась впередъ и ничѣмъ невозможно было удержать ихъ порыва. Часть японцевъ, человекъ около ста, не выдержала и бросилась бѣжать, но ихъ сейчасъ же догнали мѣткія пули изъ редута, и они какъ снопы падали на землю и устилали собою это и безъ того заваленное мертвецами поле. Но бѣльшая часть непріятельскихъ солдатъ осталась за могилками, рѣшивъ сдѣлаться съ нашими въ штыки. И дѣйствительно они сдѣлились. Замелькали въ воздухѣ приклады, и видно было, какъ они тяжело опускались и били по головамъ людей, послѣ чего эти люди, взмахнувъ руками, тяжело валились на землю; штыки вонзались въ человѣческое тѣло, и послѣ этого тѣло это также падало и корчилось на землѣ въ предсмертной агоніи. Многіе японскіе солдаты и здѣсь пускались на хитрость; какъ оказалось впослѣдствіи, у многихъ изъ нихъ были ручныя гранатки, зажигающіяся съ помощью фитиля; японскій солдатъ, подпустивъ нашего шаговъ на 10—15, быстро чиркалъ фитилемъ этой гранаты подъ полой своей шинели и затѣмъ бросалъ гранатку въ лицо бѣгущаго на него солдата; гранатка рвалась со страшнымъ трескомъ и обжигала на смерть наступающаго, рая его и своими многочисленными жестяными осколками; обороняющемуся также нерѣдко попадало отъ этого близкаго взрыва. Впослѣдствіи на мѣстѣ боища было найдено нѣсколько нашихъ и японскихъ труповъ, совершенно изуродованныхъ, покрытыхъ какимъ-то желтоватымъ налетомъ и съ полопавшимися глазами; это все были жертвы ужаснаго дѣйствія ручныхъ гранатокъ.

Минуты двѣ продолжалась эта схватка, и ни одинъ японецъ не вернулся къ своимъ: всѣ легли на мѣстѣ и лишь только человекъ 20 было взято въ плѣнъ. Судьба тѣхъ храбрецовъ, которые сидѣли въ наружномъ рвѣ редута, была также очень печальна: они при первыхъ же крикахъ „ура!“ бросились бѣжать и конечно всѣ легли въ 20—30 шагахъ отъ редута.

Помню ужасную сцену: одинъ изъ этихъ солдатъ былъ подстрѣ-

лень почти въ тотъ моментъ, когда онъ выскочилъ изъ рва; пробѣжавъ нѣсколько десятковъ шаговъ и почувствовавъ, что онъ не въ силахъ больше бѣжать, началъ растерянно метаться въ разныя стороны.

— Не стрѣляй этого, не стрѣляй; вишь раненый, кричали люди, но чья-то пуля ударила въ бѣднягу, и онъ, взмахнувъ вверхъ руками, какъ взмахиваетъ подстрѣленная птица крыльями, упалъ, уткнувшись лицомъ въ землю, и остался недвижимъ.

Бойня кончилась, и изъ-за могилокъ возвращались теперь наши солдаты. Многіе изъ нихъ шли, размахивая руками, въ которыхъ они держали свои и японскія винтовки, и оживленно передавали другъ другу свои впечатлѣнія отъ штыковой свалки.

— Я его прикладомъ какъ вдарилъ, такъ онъ и упалъ, какъ снопъ, говоритъ одинъ.

— А Семеновъ-то троихъ штыкомъ заporоль;—здоровъ парень: на третьемъ, говоритъ, штыкъ погнулся. Я къ нему это подбѣгъ, а онъ руки кверху,—прощенія сталъ просить,—повѣствуетъ, проходя мимо, солдатъ.

Многіе солдаты вели подъ руки нашихъ и японскихъ раненыхъ. Вотъ ведетъ одинъ изъ такихъ японца, обхвативъ правой рукой его за талию. Японецъ раненъ въ ноги, а потому и не могъ идти и волочится за нашимъ, повиснувъ безпомощно у него на рукѣ.

— Стой, ходя¹⁾, говоритъ солдатъ: не способно намъ такимъ-то манеромъ съ тобой на прогулкѣ ходить, годи маленько—приспособимся,—и солдатъ бережно кладетъ своего путника на землю, потомъ беретъ свою и его винтовку и приспособливаетъ ихъ у себя за плечомъ; сдѣлавъ это, онъ нагибается къ раненому, поднимаетъ его и, взявъ на руки, несетъ какъ мать носитъ своего ребенка. Раненый обхватываетъ шею солдата руками, и такъ они торжественно приходятъ въ редутъ, не обращая уже никакого вниманія на непрерывно рвущіяся шрапнели.

Много трогательныхъ, за душу хватающихъ сценъ пришлось увидѣть послѣ этой кровавой схватки и убѣдиться въ томъ, что солдатъ нашъ отличается добродушіемъ и незлобіемъ, что эти люди, которые за пять минутъ передъ этимъ раскраивали своими прикладами головы враговъ и вонзали въ ихъ груди свои острые штыки, совсѣмъ не были кровожадны и, какъ только кончилась бойня, они сейчасъ же снова стали людьми, способными на чело-вѣколюбивые подвиги и чувства. Нужно было видѣть—съ какою любовью эти люди ухаживали за японскими ранеными, которыхъ у

¹⁾ Ходя—другъ.

насъ въ редутъ за этотъ день перебивало человѣкъ до 50, при чемъ большинство изъ нихъ были принесены сюда нашими же солдатами, а были и такіе, которые сами и ползли къ намъ въ надеждѣ на помощь въ ихъ тяжеломъ положеніи. Съ какою любовью и осторожностью грубыя солдатскія руки, грязныя и большею частью обгагреныя кровью, распарывали и разстегивали амуницію и одежду у раненыхъ, какъ осторожно они накладывали на обнаженные раны бинты и повязки, пуская въ дѣло свои перевязочные пакеты, какъ потомъ бережно укладывали раненыхъ враговъ на дно рва, подкладывая имъ подъ головы свои мѣшки и дѣлясь съ ними своимъ послѣднимъ сухаремъ и кусочкомъ сахара. И все это дѣлалось безъ всякой рисовки, да и передъ кѣмъ же было рисоваться; просто: въ душѣ зазвучали ея лучшія струны и полились чудные и гармоничные аккорды гимна любви и жалости ко всему страждущему и несчастному.

Многіе японцы были тронуты этой лаской; они видимо совершенно этого и не ожидали; улыбаясь и кланяясь, они благодарили, прося только, чтобы имъ дали ихнія пилюли, запасъ которыхъ имѣлся у cadaго въ ранцѣ. Пилюли эти—величиной съ горошину и издають запахъ креозота; вѣроятно, въ ихъ составъ входитъ какое-либо вещество, которое дѣлаетъ человѣка мало чувствительнымъ къ боли. Японцы съ жадностью глотали эти пилюли, предпочитая ихъ нашему сахару и сухарямъ. Только нѣкоторые японскіе солдаты были суровы и не обращали вниманія на ласковый уходъ за ними.

Помню двухъ такихъ унтеръ-офицеровъ: одинъ былъ худощавый, со строгимъ желтымъ и измученнымъ лицомъ; другой былъ коренастый и мускулистый паренъ, съ небольшими черными усами на круглой и типичной японской фізіономіи; коренастый былъ тяжело раненъ въ руку—въ локтевой суставъ; пуля при выходѣ изъ руки вырвала у него большой кусокъ мяса и обнажила кость; худощавый имѣлъ нѣсколько ранъ въ рукахъ и ногахъ. Они угрюмо смотрѣли на нашихъ солдатъ, хлопотавшихъ надъ перевязками, отказывались отъ всего, что имъ предлагали, и глотали только пилюли. Все время они сурово молчали и на всѣ вопросы трясли только отрицательно головами. Когда имъ сдѣлали перевязку и уложили ихъ въ ровъ, то они покрылись съ головой своими плащами, какъ бы не желая видѣть тѣхъ людей, которые о нихъ заботились, и которыхъ они такъ безпредѣльно презирали и ненавидѣли.

Помню, былъ еще одинъ раненый, о которомъ не могу не упомянуть, потому что исторія раненія этого солдата была довольно оригинальна.

Когда атака на могилки была окончена и когда наши люди возвращались въ редутъ, неся свои трофеи, то я, помню, вдругъ увидѣлъ японскаго солдата, который медленно и хромя на одну ногу шелъ между нашими, но не въ сторону редута, а отъ него. Люди, переносившіе раненыхъ, не обращали почему-то на него вниманія и проходили мимо; но вотъ этотъ японецъ поравнялся съ нашимъ солдатомъ, который возвращался въ редутъ одинъ. Когда они поравнялись другъ съ другомъ, то нашъ, флегматично посмотрѣвъ на японца, схватилъ его за рукавъ шинели, намѣреваясь забрать его въ плѣнъ, но японецъ быстро выскользнулъ изъ своей шинели и, какъ кошка, во всю прыть понесся въ сторону отъ нашихъ, прыгая съ необычайной ловкостью и скоростью по галяновымъ грядкамъ. Очевидно, онъ не былъ раненъ и прикидывался таковымъ только для того, чтобы дойти какъ-нибудь до могилки, а оттуда какъ-нибудь скрытно добраться до своихъ.

— Держи, держи,—заоралъ нашъ, пускаясь въ погоню за бѣглецомъ, но сразу же стало замѣтно, что не въ нашей неуклюжей амуниціи и не въ нашихъ тумбообразныхъ валенкахъ можно было пускаться въ это предпріятіе; разстояніе между нашимъ и японцемъ все увеличивалось и увеличивалось. Въ редутъ поднялся гвалтъ. „А-ту его!“—кричали солдаты: „пали-пали; пулей его с...“, слышались голоса, и выстрѣлы затрещали. Пули падали около бѣглеца, но онъ все бѣжалъ и бѣжалъ. Наконецъ, пробѣжавъ шаговъ 400 и, вѣроятно, утомившись, онъ пошелъ шагомъ. Нашъ отсталъ отъ него шаговъ на 100 и также шелъ, не оставляя надежды взять плѣнника. Двое другихъ нашихъ солдатъ побѣжали на помощь товарищу, а японецъ шелъ, оглядываясь временами назадъ.

— Эхъ, если и теперь промахнусь,—сказалъ кто-то возлѣ меня,—то больше и стрѣлять не буду!—Сказавшій долго цѣлился, наконецъ выпалилъ, и японецъ тяжело повалился какъ разъ возлѣ самаго холмика, за который онъ рассчитывалъ укрыться. Трое нашихъ подбѣжали къ нему и хотѣли его взять, но раненый упирался, не желая подниматься съ земли. Я видѣлъ, какъ одинъ изъ нашихъ приставилъ ему штыкъ къ груди, и это, видимо, подѣйствовало. Его повели и вскорѣ онъ, вися на рукахъ у нашихъ солдатъ, прибылъ въ редутъ. Это былъ молодой парень, съ несимпатичнымъ, звѣрскимъ лицомъ и съ блуждающими страшными глазами; онъ все время какъ-то глупо мычалъ, и что-то безумное было въ его взорѣ. Пуля перебила ему ногу. Его перевязали и уложили, но онъ, какъ бы въ бреду, не переставалъ бормотать самъ съ собою, и только когда одна изъ непріятельскихъ шрапнелей очень удачно разорвалась надъ редуткомъ, то онъ съ ехидной, злобной улыбкой, тихо произ-

несъ по-китайски: „шанго“ (хорошо), зная, вѣроятно, что это слово понятно каждому изъ насъ.

Все та же обстановка, тѣ же стоны и вопли, тѣ же окровавленные трупы, тотъ же огонь и визгъ шрапнели да громыханія тяжелыхъ бомбъ,—все это было передъ глазами людей до наступленія темноты. Подъ вечеръ пальба умолкла, и начали выносить раненыхъ, но носилокъ не хватало, и несчастнымъ долго приходилось ожидать своей очереди. Уже при полной темнотѣ вынесли наконецъ и того раненаго, который цѣлый день кричалъ не своимъ голосомъ. Онъ, когда его несли, продолжалъ издавать тѣ же неприятные звуки, и долго въ темнотѣ слышалось удаляющееся лала-ла, похожее на собачій лай,—ужасное и безумное. Начали выносить и убитыхъ и складывать ихъ на площадкѣ за редутомъ. Прибрали и того солдата, который цѣлый день пролежалъ передъ входомъ въ редутъ, какъ бы закрывая его своимъ трупомъ. Убитыхъ тащили за шинели, и всѣ они казались необычайно тяжелыми, такъ что иной разъ четыре человѣка не въ силахъ были справиться съ этой тяжелой ношей. По всему редуту какъ-то вдругъ пошелъ трупный запахъ, хотя день былъ не изъ особенно теплыхъ, но все же свѣтлые лучи здѣшняго февральскаго солнца очевидно успѣли сдѣлать свое дѣло. Вскорѣ вся площадка за редутомъ была покрыта трупами нашихъ солдатъ; отсюда ихъ брали другіе люди и переносили въ общую могилу—куда-то въ деревню.

Ночь настала темная и морозная. Часовъ въ 10—11 пришло приказаніе о томъ, что гарнизонъ редута сейчасъ будетъ смѣненъ другимъ полкомъ, а намъ приказано было отойти въ деревню, гдѣ и отдохнуть до 4 часовъ утра, а послѣ этого полку уже въ полномъ его составѣ—занять снова тотъ же редутъ и смежныя съ нимъ стѣнки деревни.

Вскорѣ дѣйствительно пришла къ намъ смѣна, но пока она пришла, да пока мы смѣнялись—прошло добрыхъ два часа. Наши секреты, съ наступленіемъ темноты, были высланы впередъ, и командиръ полка предупредилъ по окончаніи смѣны командира заступившей въ редутъ части, прося его смѣнить и секреты и отнюдь не открывать огня до тѣхъ поръ, пока эти секреты не отойдутъ въ редутъ. Все было сдѣлано, и намъ оставалось только идти въ деревню и воспользоваться 2—3 часами отдыха; и вотъ въ первомъ часу ночи мы пошли въ хвостъ послѣдней, вышедшей изъ редута роты. Не успѣли мы отойти и 200 шаговъ, какъ въ редутѣ послышались сначала одиночные выстрѣлы, а затѣмъ загремѣла настоящая ружейная перестрѣлка, вмѣстѣ съ которой послышались ихъ громкіе вопли передъ редутомъ: свои! свои!—

вопили люди во все горло; куда палите, черти! По своимъ, діаволы!—неслось изъ темноты. Крики были настолько громки и настолько внушительны, что перестрѣлка какъ бы сразу затихла, но и послѣ этого крики и ругательства еще продолжались нѣкоторое время.

Оказалось, что люди смѣнившаго насъ полка, будучи нервно настроены, приняли отходящіе наши секреты за непріятеля и открыли огонь. Къ счастью, онъ продолжался недолго, но и этого было достаточно для того, чтобы изъ людей секретовъ оказалось 9 человекъ раненыхъ.

Придя въ деревню и закусивъ, чѣмъ Богъ послалъ, мы заснули, хотя и короткимъ, но свинцовымъ сномъ, а въ 4 часа утра полкъ въ полномъ составѣ потянулся по мрачнымъ улицамъ Янсытуня, направляясь все къ тому же редуту, гдѣ уже пришлось пережить столько мучительныхъ и тяжелыхъ часовъ.

Это было 23 февраля утромъ.

Къ разсвѣту мы снова были на своихъ мѣстахъ, и такъ какъ непріятель насъ почему-то не беспокоилъ, то и занялись чисткой и уборкой редута, а равно и починкой всѣхъ тѣхъ изъяновъ, которые были сдѣланы въ его брустверахъ непріятельскими снарядами. Изъ рововъ редута были вытащены цѣлые вороха разнаго окровавленнаго тряпья, мусора, жестянокъ отъ консервовъ—и все это было вывалено на бруствера. Кровавые пятна, которыя во многихъ мѣстахъ остались какъ слѣды отъ вчерашнихъ труповъ, были засыпаны землею; блиндажи выметены и вычищены; изъ пустыхъ цинковыхъ коробокъ отъ патроновъ мы устроили на брустверахъ бойницы, наполнивъ предварительно эти коробки землею и присыпавъ землю къ ихъ наружной поверхности, чтобы она не блестѣла на солнцѣ. Вообще черезъ часъ отъ подобной работы мы и сами не узнали своего редута. Люди, расхаживая по чистымъ рвамъ, какъ-то повеселѣли, ободрились. „Ишь чистота какая,—говорили они,—словно бы въ хатѣ подъ образами“. Разнесся слухъ, что съ правой стороны двигается нашъ огромный отрядъ, подъ командой храбраго и популярнаго въ арміи генерала Герягроса. Говорили, что этотъ отрядъ, наступая четырьмя колоннами чуть ли не по дивизіи каждая, имѣлъ задачей потѣснить обходящія нашъ правый флангъ силы непріятеля, и что когда генералу это удастся, то мы ударимъ на японцевъ съ фронта и окончательно сомнемъ ихъ. Этотъ планъ былъ всѣмъ понятенъ, и люди, быстро усвоивъ себѣ эту не хитрую комбинацію, безусловно вѣрили въ успѣшность ея осуществленія.

— Какъ же, говорили они: силы-то сколько идетъ, ажъ 4 дивизіи; гдѣ жъ ему устоять супротивъ такой силищи, а тутъ какъ значить еще мы поднатиснемъ, такъ и совсѣмъ ему капуть придется.

Всѣ жили этой надеждой и внимательно прислушивались въ правую сторону—не загромыхаютъ ли, молъ, тамъ пушки, которыя могли оповѣстить своимъ грохотомъ подходъ войскъ генерала Гернгросса.

Потомъ прошелъ слухъ, что генераль раньше, какъ къ вечеру, никоимъ образомъ подойти не можетъ, потому что больно великъ маршъ, да и „онъ“ на каждомъ шагу будетъ задерживать. Къ вечеру безпремѣнно подойдутъ, успокаивали себя люди. Дай-то, Господи: довольно ужъ насъ-то обходить; теперь, стало быть, насталь „его“ чередъ.

Но судьба рѣшила все это иначе, и всѣ наши надежды и упованья разлетѣлись въ прахъ.

Отъ нечего дѣлать люди сидѣли на ступенькахъ рвовъ, а нѣкоторые лежали въ блиндажахъ и спали мирнымъ сномъ. Нѣкоторые, вооружившись биноклями, разсматривали впереди лежащую мѣстность. Я тоже взялъ бинокль и началъ смотрѣть. Вотъ шагахъ въ 800 отъ редута тянется какой-то окопъ, вѣроятно сооруженный японцами; онъ, повидимому, никѣмъ не занятъ. Вотъ дальше за нимъ видны небольшіе кусты ивняка и на опушкѣ въ разныхъ положеніяхъ лежатъ 4 убитыхъ японца. Къ нимъ осторожно подбираются два огромныхъ мохнатыхъ пса, которые, должно быть, еще не вполне увѣрены, что передъ ними мертвецы, мясо которыхъ можно кушать съ великимъ наслажденіемъ. Они потихоньку крадутся къ мертвецамъ, дѣлаютъ петли, какъ бы разсматривая ихъ со всѣхъ сторонъ, садятся, потомъ опять начинаютъ подкрадываться; а мертвецы лежатъ грузно и неподвижно, и ихъ освѣщаетъ ясное февральское солнце, которое теперь также привѣтливо и ласково свѣтитъ гдѣ-нибудь въ далекомъ уголку ихъ прекрасной родины и согрѣваетъ своимъ теплымъ лучемъ какую-нибудь убогую деревушку, изъ которой пришли сюда эти люди затѣмъ, чтобы въ видѣ падали валяться на опушкѣ этихъ кустовъ. Этихъ псовъ видитъ стоящій рядомъ со мной молодой парень, и у него является желаніе поугаить ихъ, но самъ онъ почему-то не рѣшается этого сдѣлать и обращается къ содѣйствію другого.

— Дядька Федоръ, а дядька Федоръ, говоритъ онъ флегматично сидящему на ступенькѣ бородачу запасному, который готовъ погрузиться въ сладкую дремоту,—пугни ихъ изъ винтовки.

— Кого пугнуть? апатично спрашиваетъ Федоровъ, не мѣняя своей позы.

— Собаки, вонь что къ мертвякамъ крадутся; а и здоровушія же, чтобы имъ пусто было,—ровно волки, добавляетъ онъ.

— А на што ихъ пужать; не все одно, что песъ сожретъ, что такъ сопрѣетъ. Пусть ихъ, отвѣчаетъ Федоровъ, зѣвая. О Господи, Господи, добавляетъ онъ: сегодня ихъ жрутъ, а завтра можа и до насъ чередъ дойдетъ. Пусть ихъ; брось,—говорить онъ парню; не ровень часъ, ротный узнаетъ, что по собакамъ палимъ,—серчать зачнетъ. Молодой не унимается. Онъ беретъ винтовку и выпаливаетъ по псу, который, сѣвъ недалеко отъ мертвеца, жадно смотритъ на эту лакомую закуску. Пуля рикошетируетъ шагахъ въ 3 отъ него, и онъ испуганно вскакиваетъ и скрывается въ кустахъ, изъ которыхъ ночью онъ выйдетъ къ своей ужасной добычѣ.

Японцы утромъ насъ не тревожили, и впереди вообще не было замѣтно никакого движенія. Обстоятельство это навело даже на мысль о томъ—не ушли ли они и вовсе отсюда. Съ цѣлью разслѣдовать это была послана команда охотниковъ, которые по одиночкѣ собрались у могилъ, гдѣ вчера была штыковая схватка, и отсюда, отъ этой груды мертвыхъ тѣлъ охотники повели наступленіе, идя рѣдкою цѣпью. Отойдя шаговъ 500—600 впередъ, они принуждены были остановиться, такъ какъ изъ деревни Нингуантунъ ихъ встрѣтили довольно сильнымъ ружейнымъ огнемъ. Убѣдившись такимъ образомъ, что деревня Нингуантунъ по-прежнему занята непріателемъ, охотники вернулись, и вскорѣ послѣ этого непріатель, какъ бы въ отместку за наше предпринятое ничтожными силами наступленіе, открылъ артиллерійскую канонаду по Янсытуню и по нашему редуту. Нѣсколько тяжелыхъ шестидюймовыхъ бомбъ грохнулось въ самый редутъ, и снова его валы вздрагивали отъ ихъ могучихъ ударовъ и разрывовъ. вмѣстѣ съ бомбами падали и шимозы, но сила ихъ разрыва казалась уже какой-то шуткой въ сравненіи съ мощностью бомбъ. Тѣ снаряды, которые были направлены въ деревню, пролетали надъ нашими головами съ необычайной скоростью; эта скорость, казалось, даже опережала собою звукъ, такъ какъ сначала надъ головой слышался какъ бы шелестъ летящаго снаряда, и вслѣдъ уже за этимъ каждый разъ слышался не громкій и почему-то всегда двойной звукъ орудійнаго выстрѣла. Вообще японскія пушки и ружья всегда почему-то издають двойной звукъ при выстрѣлѣ: бумъ-бумъ, слышите вы голосъ непріательской пушки. Та-к-ку, та-к-ку, выговариваютъ ихъ ружья, но почему эти непременно двойные звуки,—насколько помню, объяснить никто не могъ. Повидимому, въ данномъ случаѣ, ужасная начальная скорость снаряда и пули и есть причина этого страннаго явленія. Пуля, вылетая изъ канала ствола, сверлитъ въ воздухѣ тоже въ своемъ родѣ каналъ и сверлитъ его въ первый

моментъ по вылетѣ изъ дула настолькоъ быстро, что воздухъ не успѣваетъ заполнить его моментально же вслѣдъ за полетомъ пули. Словомъ, послѣ выстрѣла образуется длинная пустота, какъ въ каналѣ ружья, такъ и на нѣкоторомъ разстояніи отъ послѣдняго. Воздухъ, врываясь въ каналъ ствола, даетъ первый звукъ, а потомъ, заполняя собою болѣе длинную пустоту, даетъ какъ бы нѣсколько протяжный второй звукъ. Быть можетъ, это объясненіе отдаютъ профанаціей, но я только и могъ на немъ остановиться и ничѣмъ не объясняю себѣ этого страннаго явленія. Часа два по полудни стрѣльба затихла.

Удивительно, какое слабое дѣйствіе производитъ въ общемъ артиллерійскій огонь по хорошо укрытымъ цѣлямъ, а въ особенности зимою, когда земля хорошо промерзла и представляетъ собою очень сильное сопротивленіе фугасному дѣйствію снарядовъ. Про шимозы и говорить нечего: снарядъ этотъ, несмотря на то, что обладалъ непомѣрною силой разрывного дѣйствія, благодаря своему разрывному заряду изъ какого-то особаго пороха, все же, попадая въ земляной валъ, дѣлаетъ въ немъ ничтожную воронку. Шестидюймовая бомба, ударяя въ валъ, сотрясаетъ собою не только послѣдній, но даже и весь редуть, и все же воронка, пробиваемая этимъ могучимъ снарядомъ, невелика. Помню, что за время этой послѣдней бомбардировки у насъ было очень мало раненыхъ.

Другое дѣло лѣтомъ: тутъ бомба въ состояніи показать всю свою мощь; она разворотитъ сразу всю толщу бруствера, разнеся землю въ разныя стороны.

Во время бомбардировки люди прятались въ блиндажи, или прижимались къ отлогости вала и были въ безопасности. Интересно было слѣдить за полетомъ шестидюймовыхъ бомбъ; полетъ ихъ, въ сравненіи съ полетомъ шимозъ и шрапнелей, очень медленный. Во время движенія бомба издаетъ звукъ, очень похожій на тотъ, который вы услышите, если пойдете лѣтомъ на сѣнокосъ и начнете смотрѣть, какъ возятъ копны сѣна, не погружая ихъ на возы: копны эти ставятся на такъ называемыхъ „ометьяхъ“ (длинный хворостъ); и вотъ прицѣпляютъ лошадь къ колямъ ометинъ и тянутъ копну; она при движеніи издаетъ почти такой же звукъ, какъ и шестидюймовая бомба во время своего полета. „Копну повезли“, говорили обыкновенно солдаты, заслыша полетъ бомбы. Вы слышите, какъ эта „копна“ шуршитъ гдѣ-то высоко и далеко, все приближаясь и приближаясь; звукъ становился яснѣе и яснѣе; вотъ-вотъ сейчасъ рухнетъ что-то мощное и тяжелое, невольно плотнѣе прижимаешься къ валу; и въ это время вздрагиваетъ земля, слышится громкій трескъ разрыва; воздухъ застонетъ отъ разлетающихся осколковъ; поднимается огром-

ный фонтанъ земляныхъ комьевъ, подброшенныхъ на значительную высоту, и затѣмъ все успокоится, а черезъ нѣсколько секундъ ползеть уже и другая „копна“, и та проявляетъ себя подобнымъ же образомъ.

Помню, въ этотъ же день къ редуту изъ деревни Нингуантунъ подошелъ глубокой старикъ-китаецъ,—оборванецъ и крайне грязный и неопрятный. Онъ какъ бы въ изнеможеніи сѣлъ у наружнаго рва. Его сочли за шпиона и привели въ редутъ. Старикъ смотрѣлъ на всѣхъ мутными, гноящимися глазами, которые были безъ всякаго выраженія. Ему связали руки и посадили вмѣстѣ съ плѣнными японцами. Временами они о чемъ-то между собою перебрасывались словами, и солдаты, глядя на эту компанію, добродушно посмѣивались и говорили, что старикъ рассказываетъ японцамъ смѣшныя прибаутки, занимая ихъ отъ скуки. Вечеромъ, какъ плѣнныхъ, такъ и старика увели.

Н—чъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

